

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Административное право

Научная статья
УДК 342.95

Общие тенденции развития административной ответственности в области противодействия пропаганде наркотиков

Марьям Владимировна Анисифорова^{1,2}

¹ВНИИ МВД России, г. Москва, Россия, marianisiforova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2398-0422>

²Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ. Введение. Принимая во внимание потребности государства и общества в психически и физически здоровой нации, ситуация, обусловленная незаконным оборотом и потреблением наркотиков*, требует проведения активной законодательной политики, постоянного мониторинга новых тенденций правовой регламентации в этой сфере, как правило, возникающих в целях противодействия соответствующим угрозам. Одним из таких криминальных проявлений, создающим условия для усугубления проблемы наркотизации в целом и способствующим увеличению количества совершаемых преступлений и административных правонарушений (не только наркотической направленности), является пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных и одурманивающих веществ, растений и их частей, содержащих наркотики.

Цель исследования сводится к выявлению законодательных тенденций в развитии института административной ответственности за правонарушения, предусмотренные частями 1, 1.1 и 2 статьи 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Методологическую основу исследования в основном составили системно-структурный и формально-юридический методы.

Выводы. На основе анализа имеющихся правовых инициатив (в том числе тех, что были отклонены) оцениваются существующие подходы к разработке юридического определения «пропаганда наркотиков», выявляются их главные недостатки. Делается общий вывод о необходимости наполнения термина конкретным юридическим смыслом, который позволит однородно толковать и применять правовую норму, устанавливающую административную ответственность за пропаганду наркотиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: институт административной ответственности, пропаганда, наркотические средства и психотропные вещества, новые потенциально опасные психоактивные вещества, одурманивающие вещества, пропагандирование и рекламирование наркотиков

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Анисифорова М. В. Общие тенденции развития административной ответственности в области противодействия пропаганде наркотиков // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 14–19.

Administrative Law

Original article

General trends in the development of administrative responsibility in the field of countering drug propaganda

Mariam V. Anisiforova^{1,2}

¹NRI of the Ministry of Interior of the Russian, Moscow, Russia,
marianisiforova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2398-0422>

²Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow, Russia

ABSTRACT. Introduction. The situation caused by illegal drug trafficking and consumption requires an active legislative policy and constant study of new trends in the legal regulation of public relations in this area, taking into account the needs of the state and society in a mentally and physically healthy nation. One of such criminal manifestations is the propaganda of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors, new potentially dangerous psychoactive and intoxicating substances, plants and their parts containing drugs, which creates conditions for strengthening the problem of anesthesia in general and contributes to an increase in the number of offenses committed, not only drug-related.

The purpose of the study is to identify legislative trends in the development of the institute of administrative

responsibility for offenses provided for in Parts 1, 1.1 and 2 of Article 6.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

The methodological basis of the study was mainly system-structural and formal-legal methods.

Conclusions: based on the analysis of existing legal initiatives (including those that were rejected), the existing approaches to the development of a legal definition of «drug propaganda» are evaluated, their main shortcomings are identified. The general conclusion is made about the need to fill the term with a specific legal meaning, which will allow uniform interpretation and application of the legal norm establishing administrative responsibility for drug propaganda.

KEYWORDS: institute of administrative responsibility, propaganda, narcotic drugs and psychotropic substances, new potentially dangerous psychoactive substances, intoxicating substances, propaganda and advertising of drugs

FOR CITATION: Anisiforova M. V. General trends in the development of administrative responsibility in the field of countering drug propaganda // Scientific portal of the Russian Ministry of internal Affairs. 2022. № 1 (57). P. 14–19 (In Russ.).

На современном этапе вопросы информации (новых форм обладания ею и вариантов использования), информационных технологий и идущих с ними в параллель проблем информационной безопасности имеют особую важность.

Информация как содержательная категория – это точно правовой феномен, объединяющий в себе два отличных качества. Плюсовой «заряд» заключается в потенциале этой материи, который раскрывается за счет тех данных, которые в ней заложены. Они в совокупности приводят к уменьшению неопределенностей, а значит – пополняют наши знания и возможности в действиях и решениях (включая публичные управленческие). Отрицательный же «заряд» состоит в том, что разная информация может обладать неодинаковыми качественными характеристиками, в том числе быть деструктивной, негативным образом влиять на поведение людей.

Причем вопросы информации, новых технологий ее передачи и безопасности не могут рассматриваться в отрыве от права, поскольку само современное право обусловлено природой информационного общества. Особый правоохранный контекст эти взаимообусловленные проблемы обретают в связи с необходимостью постоянного и непрерывного противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере информации или с помощью новых информационных технологий. Предписания базового законодательного акта федерального уровня¹ в сфере оборота информации позволяют нам судить о том, что не все виды информации могут и должны свободно распространяться. Однако в отличие от информации ограниченного доступа или сведений, предоставляемых по соглашению сторон, относительно «запрещенной к распространению информации» нормативных упоминаний не так много.

Из совокупного толкования правовых норм, содержащихся в законодательстве Российской

Федерации, можно прийти к выводу, что под запретом находится та информация, распространение которой может повлечь за собой применение уголовно- и административно-правовых санкций. На территории нашей страны запрещается к распространению информация, направленная на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, содержащая призыв к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, наносящая вред здоровью, нравственному и духовному развитию ребенка, и т. д.

Особое место в этом списке занимает информация, пропагандирующая оборот и потребление наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных и одурманивающих веществ, а также культивирование наркосодержащих растений, каких-либо преимуществ их использования.

Пропаганда наркотиков² выступает мощным, очевидным фактором роста наркотизации населения и одновременно обстоятельством, которому сопутствуют многие другие криминальные проявления. Несмотря на установленный в 1998 г. нормативный запрет в этой сфере³, в нашей стране долгое время отсутствовали реальные механизмы для осуществления практических юрисдикционных действий по борьбе с «наркопропагандой». По сути, ситуация разрешилась только в декабре 2001 г. с принятием Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Заметим, что за двадцать лет практики применения ст. 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) она сильно изменялась. В первоначальном виде правовая норма была

² Под термином «наркотики» предлагается понимать наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, аналоги, новые потенциально опасные психоактивные вещества, а также растения и части растений, их содержащие.

³ См.: О наркотических средствах и психотропных веществах : Федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ, ст. 46 // СПС КонсультантПлюс.

¹ См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

односторонней, и в соответствии с ней наказывались в административном порядке «пропаганда либо незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». Сегодня же статья дополнена указанием на новые виды предметов противоправного посягательства, в ней оправданно появились: растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры; части растений, содержащие наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры⁴, а также новые потенциально опасные психоактивные вещества⁵. Более того, предписание включает в себя еще два квалифицирующих признака, такие как, во-первых, совершение пропаганды наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо новых потенциально опасных психоактивных веществ с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и, во-вторых, совершение «наркопропаганды» (перечисленных выше действий) иностранным гражданином или лицом без гражданства⁶.

Но что важно, несмотря на многочисленные поправки к административно-правовой норме, она до сих пор привлекает внимание юридической общественности как требующая дальнейшего совершенствования.

Это связывается прежде всего с существующими проблемами в правоприменении. Действительно, с одной стороны, есть запрещающие положения базового федерального закона о наркотических средствах и психотропных веществах и КоАП РФ, а с другой – следует констатировать, что в них упущены многие детали. Пробелы, имеющие место в законах, влияют в конечном счете на эффективность административно-юрисдикционной деятельности, могут негативно сказаться на соблюдении прав и свобод граждан и их объединений, привести к нарушению их законных интересов. Отсюда и соответствующая судебная

статистика, свидетельствующая о возвращении такой категории дел об административных правонарушениях для устранения недостатков протоколов (по п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ), а также случаях прекращения юрисдикционного производства и освобождения от административной ответственности.

К примеру, в 2020 г. из поступивших в суды 464 дел соответствующей категории (фактически рассмотрено 453, остаток на следующий год – 9) административным наказаниям было подвергнуто 317 лиц, возвращено должностным лицам для устранения процессуальных недостатков 70 дел (что составляет 15 %), а прекращено производство (в том числе лица освобождены от административной ответственности) по 9 делам⁷.

Причем на практике нередки случаи, когда действия по пропаганде и рекламе запрещенных или ограниченных в свободном обороте веществ несут реальную угрозу общественным интересам, здоровью и безопасности населения, но в то же время не подпадают под действие ст. 6.13 КоАП РФ либо, напротив, степень общественной опасности деяния, формально подпадающего под признаки данного административного правонарушения, может быть не соотносима с назначаемой за его совершение публичной санкцией.

Представляется, что многие из указанных правоприменительных проблем при реализации положений ст. 6.13 КоАП РФ возникают из-за отсутствия описательного понятия «наркопропаганда» либо четких критериев для квалификации действий таким образом. По этой причине именно на вопросе закрепления правовой дефиниции будет сфокусировано наше внимание (ранее мы уже отчасти анализировали проблему пропаганды наркотиков [1; 2; 3, с. 80–86], но в заданном контексте речь пойдет исключительно об имеющихся законодательных предложениях в части закрепления ее четкого юридического содержания на федеральном уровне).

Итак, впервые понятие пропаганды наркотиков было предложено в 2012 г., когда в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации поступил проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за незаконные

⁴ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры : Федер. закон от 19 мая 2010 г. № 87-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁵ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 3 февр. 2015 г. № 7-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁶ См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 512-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁷ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 г. Отчет № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&iteni=5671> (дата обращения : 06.11.2021).

пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ»⁸. Проектировалось дополнение ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» новым понятием «пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, наркосодержащих растений или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры». Как видно уже из названия, разработчики пошли по пути перечисления всех возможных видов запрещенных к пропаганде веществ, однако при этом не упомянув часть из них по очевидным и не вполне очевидным причинам. Допустим, были изъяты из текста аналоги наркотических средств и психотропных веществ, одурманивающие вещества (о причинах такого подхода к изложению дефиниции остается только догадываться), новые потенциально опасные психоактивные вещества (здесь понятнее, поскольку эти вещества вошли в правовой обиход позднее, чем был разработан законопроект⁹).

По сути, проектируемая дефиниция была выстроена из имеющихся положений чч. 1 и 2 ст. 46 базового закона с тем лишь отличием, что к числу видов продукции, содержащей сведения о наркотиках, наряду с книжной продукцией и продукцией средств массовой информации была отнесена аудиовизуальная (что отвечает духу современности).

В остальном предлагаемые положения воспроизвели имеющуюся правовую норму. Наверное, это связано с тем, что основной замысел разработчиков заключался не в разъяснении сущности пропаганды наркотиков, а ужесточении ответственности за нее, а именно – предлагалось криминализировать незаконную пропаганду и рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, а также наркосодержащих растений, если такие действия совершаются с использованием информационно-

телекоммуникационных сетей. В данном случае, к сожалению, совершенствование понятийного аппарата играло вспомогательную роль.

Но впоследствии на понятийную составляющую законопроекта обратили внимание многие заинтересованные государственные органы. Так, в официальном отзыве Правительства Российской Федерации было представлено мнение о том, что следует исключить расширенное толкование определения, а также проработать вопрос о возможности использования изображений и названий наркотических средств и психотропных веществ, наркосодержащих растений в качестве антинаркотической пропаганды¹⁰.

В целом, несмотря на широкую поддержку законопроекта юридической общественностью, а также постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации¹¹ об ускорении его рассмотрения, вынесенное по итогам обсуждения вопросов о приоритетных направлениях государственной политики в области борьбы с наркоманией, он все-таки был отклонен в 2018 г.¹²

В то же время на этом законодательные предложения по вопросу совершенствования правового регулирования в области борьбы с пропагандой наркотиков себя не исчерпали. Спустя некоторое время возникла новая инициатива по установлению уголовной ответственности за пропаганду незаконного потребления и оборота наркотиков, их аналогов, наркосодержащих растений, совершенную с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и дополнению примечания к проектируемой ст. 230.3 УК РФ соответствующим понятием. В этом случае «под пропагандой либо незаконной рекламой наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотроп-

⁸ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ : проект федер. закона № 108866-6 : ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 9 июля 2012 г. // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Прим.: позднее о необходимости их учета была высказана официальная позиция в заключении Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 27 февраля 2015 г. № 2.2-1/970 по проекту федерального закона № 108866-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ» // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ См.: Официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 23 января 2013 г. № 212п-П4 на проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ» // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ См.: О приоритетных направлениях государственной политики в сфере борьбы с наркоманией : постановление Совета Федерации Федерального Собрания Рос. Федерации от 5 марта 2014 г. № 63-СФ // СПС КонсультантПлюс.

¹² См.: О проекте федерального закона № 108866-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ» : постановление Государственной Думы Федерального Собрания Рос. Федерации от 25 июля 2018 г. № 4675-7 ГД // СПС КонсультантПлюс.

ные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ» предлагалось понимать деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица нейтрального, терпимого либо положительного отношения к таким средствам, веществам, растениям и их прекурсорам, а также их частям либо представления о допустимости их употребления, хранения или оборота¹³.

Однако и здесь замечание Правительства России сводилось к излишне широкой формулировке понятия наркопропаганды, способной привести к проблемам правоприменения, а также конкуренции проектируемой нормы с уже имеющейся ст. 230 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за склонение к потреблению наркотиков¹⁴. В результате этот законопроект также не был поддержан, а дефиниция «пропаганда наркотиков» не нашла своего закрепления до сих пор (вместе с тем ч. 2 ст. 230 УК РФ впоследствии была дополнена квалифицирующим признаком «использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)»¹⁵.

Надо сказать, что в основном все сформулированные определения, в том числе и те дефиниции, что построены путем перечисления отличительных признаков, содержат противо-

речивые суждения и не обобщают в полной мере комментируемое явление. Тот же вывод справедлив в отношении определений, сформулированных в научной доктрине, причем достаточно распространены случаи исследования авторами вопросов административной ответственности за пропаганду наркотиков без обращения самостоятельного внимания на анализ содержания дефиниции «наркопропаганда» [4; 5] либо лишь с презюмированием ее отсутствия в законе [6; 7].

Основные проблемы видятся, во-первых, в отождествлении понятий «пропаганда» и «незаконная реклама», хотя они имеют разные правовые основы регулирования и неидентичную юридическую суть. Во-вторых, необоснованно исключается в предлагаемых правовых дефинициях из числа видов информации, запрещенной к пропаганде, та, что касается аналогов наркотических средств и психотропных веществ, а также одурманивающих веществ. В-третьих, используются неоднозначные и не в полной мере соответствующие положениям федерального законодательства формулировки (например, используемый в одном из проектируемых определений термин «употребление, хранение или оборот», поскольку понятие «оборот» включает в себя в том числе действия лица по хранению, и т. д.).

Можно предварительно подытожить, что в отсутствие разрешения главного «дефинициального» вопроса все остальные проблемы реализации правовой нормы уходят на второй план, при том что большая часть из них как раз вызвана этим основным недостатком. Бесспорно, что для установления события наркопропаганды необходимы достаточные процессуальные подтверждения («доказательственная обеспеченность»), но ключевое обстоятельство здесь все-таки – невыясненность точных предпосылок этого явления для соотнесения его с конкретно-определенным квалифицируемым деянием гражданина или организации. Поэтому законодательное определение наркопропаганды не должно быть чем-то отвлеченным, а вобрать в себя все особенности этого юридического феномена.

¹³ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части установления уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ : проект федер. закона № 826083-7 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ См.: Официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 1846п-П4. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/826083-7> (дата обращения : 23.10.2021).

¹⁵ См.: О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 24 февр. 2021 г. № 25-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бучнева М. В. К вопросу об административной ответственности за пропаганду наркотиков // Административное право и процесс. 2016. № 8. С. 41–45.
2. Анисифорова М. В. Неочевидные формы пропаганды наркотиков в молодежной среде и административно-правовые средства противодействия им // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 103–108.

3. Анисифорова М. В. Административно-правовое регулирование оборота наркотиков (опыт сравнительного исследования) : монография. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 224 с.
4. Кобленков А. Ю. Пропаганда употребления наркотиков: завуалированная реальность окружающей действительности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 190–193.

5. Полякова Е. А. Пропаганда наркотиков как угроза антинаркотической безопасности государства в сфере предложения наркотиков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 12 (18). С. 105–107.

6. Воронов А. А. Об опыте работы по выявлению и пресечению правонарушений, связанных с пропагандой и незаконной рекламой наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 84–91.

7. Газизов Д. А., Газизова Т. Г. Административная ответственность за пропаганду наркотических средств // Право и практика. 2013. № 1. С. 88–94.

REFERENCES

1. Buchneva M. V. *Administrativnoe pravo i protsess* (Administrative law and process), 2016, No. 8, pp. 41–45.

2. Anisiforova M. V. *Nauchnyj portal MVD Rossii* (Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior), 2021, No. 1 (53), pp. 103–108.

3. Anisiforova M. V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie oborota narkotikov* (опыт компаративного исследования) : monografiya (Administrative and legal regulation of drug turnover (Competitive research experience): monograph), Moscow: Infra-M, 2018, 224 p.

4. Koblenkov A. Yu. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* (Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia), 2020, No. 1 (49), pp. 190–193.

5. Polyakova E. A. *Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* (Science and education: farm and economics; entrepreneurship; Right and management), 2011, No. 12 (18), pp. 105–107.

6. Voronov A. A. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii* (Bulletin of the Siberian Law Institute of FSCs of Russia), 2012, No. 1 (10), pp. 84–91.

7. Gazizov D. A., Gazizova T. G. *Pravo i praktika* (Law and practice), 2013, No. 1, pp. 88–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. В. Анисифорова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел научно-исследовательского центра по исследованию проблем административно-правовой деятельности органов внутренних дел федерального государственного казенного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1); старший преподаватель кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Российская Федерация, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. V. Anisiforova – Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher of the Department for Researching the Problems of Administrative and Jurisdictional Activities of Internal Affairs Bodies of the Research Center for Researching the Problems of Administrative and Legal Activities of Internal Affairs Bodies of the Federal public establishment «National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation» (Povarskaya Str., 25, b. 1, Moscow, 121069, Russian Federation); Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Procedure of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Moscow State Law Academy) (Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, Moscow, 125993, Russian Federation)

Рукопись поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 11.03.2022.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 11.03.2022.

